

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРЕСА, ЗАЩИЩАЕМОГО КОСВЕННЫМ ИСКОМ

Гусейнов Нариман Шахин оглы

Студент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0000-0002-8901-8252, e-mail: nariman2000@yandex.ru

Вопрос о правовой природе косвенного иска остается одним из самых обсуждаемых в процессуально-правовой науке. Этому способствует как иностранное происхождение данного правового механизма, так и его теоретическая сложность. При этом существующее в науке и судебной практике неоднозначное восприятие некоторых аспектов действия механизма косвенного иска мешает корректному формированию практики его применения. В статье предлагается разрешать возникающие противоречия, исходя из определения тех интересов, для защиты которых служит исследуемая конструкция. Автор критически оценивает ряд научных взглядов на исследуемую проблему, доказывает несостоятельность позиции ученых, отрицающих обоснованность выделения института косвенного иска и существования самостоятельного интереса участника юридического лица при предъявлении косвенного иска. На основе анализа судебной практики опровергается мнение о поглощении интересов участников юридического лица интересами последнего или наоборот. Сделан вывод об обусловленности интереса корпорации интересами ее участников, а также о наличии у истца по косвенным искам самостоятельного юридического интереса в исходе дела и, как следствие, материально-правовой заинтересованности в процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс, косвенный иск, корпоративные споры, юридический интерес, возмещение убытков, корпоративные отношения

Для цитирования: Гусейнов Н. Ш. Характеристика интереса, защищаемого косвенным иском // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 66–74. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_66.

CHARACTERISTICS OF THE INTEREST PROTECTED BY AN INDIRECT CLAIM

Guseinov Nariman

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0000-0002-8901-8252, e-mail: nariman2000@yandex.ru

The issue of the legal nature of an indirect claim is one of the most discussed in procedure law science. This is due to the foreign origin of this legal mechanism and its theoretical complexity. At the same time, the ambiguous perception in the science and judicial practice of some aspects of the indirect claim mechanism hinders its correct application. In this regard, the article proposes to resolve the arising contradictions, based on the definition of the interests, which are protected by the indirect claim. The author critically analyses a number of scientific views on the issues under study, and proves the inconsistency of positions denying the validity of the allocation of the indirect claim institute and the existence of an independent interest of a participant in a legal entity when an indirect claim is filed. Based on the analysis of judicial practice, the author refutes the opinion about the absorption of the interests of participants of a legal entity by the interests of the latter or vice versa. He concludes that the corporation's interest is conditioned by the interests of its participants, as

well as that the plaintiff in indirect claims has an independent legal interest in the outcome of the case and, as a result, a substantive interest in the process.

Key words: arbitration process, indirect claim, corporate disputes, legal interest, damages, corporate relations

For citation: Guseinov N. (2022) Characteristics of the interest protected by an indirect claim. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 66–74, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_66.

Cui bone est?
Cicero

Основной целью системы корпоративного управления является обеспечение возврата инвестиций тем, кто предоставил компании свое имущество. В связи с этим необходимо выработать эффективные механизмы *ex post* контроля, которые побуждали бы директоров корпорации действовать во благо корпорации и всех ее участников, а не в своих интересах или интересах ограниченного круга лиц. Одним из таких механизмов защиты интересов участников юридического лица, прежде всего миноритариев, является институт корпоративного косвенного (производного) иска.

Появление косвенного иска в российском цивилистическом процессе связано в первую очередь с возникновением и развитием корпоративного права и, как следствие, с необходимостью существования эффективных процессуальных средств защиты корпоративных прав. В 2009 г. Арбитражный процессуальный кодекс РФ был дополнен гл. 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам». Была установлена исключительная компетенция арбитражного суда по рассмотрению корпоративных споров и закреплен порядок предъявления участником корпорации косвенного иска.

В научной среде нет единства мнений по многим вопросам, возникающим в связи с изучением косвенного иска. Такая ситуация может объясняться несколькими причинами.

Первая заключается в том, что косвенный иск был заимствован в наш правовой порядок из англосаксонского процесса, однако законодатель не провел работу по его адаптации.

Вторая причина в какой-то мере связана с первой и выражается в том, что единое понимание идеи косвенного иска отсутствует и в зарубежном процессе, что обусловлено существованием различных моделей косвенного иска, выделяемых правоведом даже в рамках одного правового порядка. К примеру, некоторые авторы обозначают две модели иска о возмещении убытков обществу, используемые в европейских странах: *ut singuli* (иск подается акционером от своего имени) и *ut universi* (юридическое лицо само обращается в суд с требованием о возмещении убытков)¹. Анализ зарубежного законодательства показывает, что в зависимости от историко-юридических предпосылок в производстве по косвенному иску в разных странах соотношение объема процессуальных прав юридического лица и его участника, предъявившего косвенный иск, неодинаково.

Третья причина – сущность самого косвенного иска и материально-правового отношения, лежащего в его основе. Косвенный иск является межотраслевым институтом и находится на стыке процессуального и корпоративного права, а потому при его изучении невозможно игнорировать нормы последнего: ответы на процессуальные вопросы нельзя искать в отрыве от тех правоотношений, защите которых косвенный иск служит. Неоднозначность проблем и разнообразие мнений, касающихся теории юридического лица, особенностей развития корпоративных отношений, соотношения интересов акционера, всех акционеров и собственно корпорации, обуславливают теоретическую и практическую сложность исследования института косвенного иска.

¹ См., например: Чичакаян Р. А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Согласиться с этими авторами сложно, поскольку модель иска о возмещении убытков *ut universi* реализуется через поощрение общества к подаче иска. С процессуальной точки зрения имеет место прямой, а не косвенный иск.

В работах, посвященных косвенному иску, встречаются диаметрально противоположные мнения относительно таких вопросов, как процессуальное положение юридического лица и его участника в производстве по косвенному иску; течение сроков исковой давности; распределение судебных расходов; определение круга субъектов, наделенных правом требования исполнения решения суда, и т. д.¹ Такая ситуация не способствует нормальному развитию практики применения косвенных исков, на что обращает внимание С. С. Казиханова².

Изучая те или иные институты процессуального права, не следует пренебрегать исследованием общих категорий процессуальной науки, в частности категории интереса. Как отмечал Р. Э. Гукасян, само существование процессуального права порождается наличием интереса, защита которого осуществляется либо в форме опосредствования его субъективным правом, либо непосредственно³. Таким образом, интерес первичен и обуславливает наличие механизмов его защиты. Потому представляется, что при изучении косвенного иска необходимо определить, на защиту какого интереса он направлен. Одни ученые признают наличие собственного интереса и материальной заинтересованности за участником юридического лица, а другие отрицают наличие такового, указывая на поглощение его интересами юридического лица.

Итак, в рамках данного исследования необходимо обратить внимание на следующие вопросы: чей интерес защищается косвенным иском; какой интерес первичен с точки зрения защиты; защищается ли два интереса (один через защиту другого) или один (единый) интерес?

В современной науке наиболее распространена точка зрения о наличии у участника юридического лица, обращающегося с косвенным иском, самостоятельного юридического интереса в исходе дела. Например, С. С. Казиханова, указывая на несостоятельность позиции об отнесении участников корпорации к ее процессуальным представителям, отмечает наличие у таких участников самостоятельного юридического интереса, часто противоречащего интересу самого юридического лица, что подтверждается материалами судебной практики. Также С. С. Казиханова обращает внимание на закрепление в ст. 65.2 ГК РФ субъективного права участника, а последнее, как известно, есть форма опосредствования интереса, т. е. налицо признание такового законодателем⁴.

Д. Ю. Ионова раскрывает содержание интереса участника, показывая связь имущественных потерь компании с ущербом участника⁵. К примеру, когда стоимость чистых активов компании станет меньше ее уставного капитала по окончании отчетного года, в соответствии с п. 6 ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах» и п. 4 ст. 30 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» компания должна уменьшить уставный капитал до величины, не превышающей стоимости ее чистых активов, что приведет к уменьшению размеров долей и акций участников. Е. Г. Стрельцова, рассматривая положение лиц, действующих в чужих интересах в исполнительном производстве, отмечает особенности положения истцов по косвенным искам и подчеркивает, что такие лица имеют материально-правовой интерес к результату исполнения, хоть и не такой, как у взыскателя⁶.

Однако в науке есть и противоположные точки зрения. К примеру, С. В. Моисеев неоднократно выражал сомнения относительно обоснованности выделения института косвенного иска и существования самостоятельного интереса участника корпорации⁷.

¹ Казиханова С. С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9; Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Там же.

² Казиханова С. С. Указ. соч. С. 42–57.

³ Гукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Викут. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. С. 18–19.

⁴ Казиханова С. С. Указ. соч. С. 42–57.

⁵ Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.

⁶ Стрельцова Е. Г. О положении в исполнительном производстве лица, действующего в чужом интересе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 83.

⁷ Моисеев С. В. Указ. соч. С. 58–71.

Во-первых, говоря о признании самостоятельного интереса участника общества, ученый приходит к выводу о необходимости выяснить соотношение интересов участников и самого юридического лица, но сужает его до поглощения одного интереса другим. Представляется, что это соотношение не настолько простое и однозначное.

Во-вторых, С. В. Моисеев пишет, что в таком случае любой иск юридического лица о возмещении убытков следует считать косвенным, поскольку параллельно будут защищаться интересы каждого участника юридического лица. С этим доводом мы не можем согласиться, ведь косвенный характер защищаемого интереса – не единственный критерий квалификации иска как косвенного. К примеру, В. В. Ярков выделяет наряду с ним критерий фигуры выгодоприобретателя по такому иску. Да и интересы юридического лица и его участника могут не совпадать.

В-третьих, С. В. Моисеев задается вопросом, почему при наличии самостоятельного интереса у участника общества он управомочен обратиться с иском лишь к органам управления юридического лица, а не к любому причинителю вреда. Все дело в том, что косвенный иск исторически возник в качестве исключения из общего правила и остается таковым. Специальная норма наделяет участника субъективным правом предъявить иск, поскольку, кроме него, в данной ситуации это сделать некому. Самостоятельный интерес участника признается законом юридическим и обеспечивает ему доступ к такому способу защиты, как косвенный иск, ведь основной способ защиты порочен. Механизм прямого иска юридического лица о возмещении убытков не срабатывает, поскольку лица, уполномоченные действовать от имени юридического лица, являются причинителями ущерба и их интерес противоречит как интересам юридического лица, так и интересам его участников. В тех случаях, когда ущерб обществу причинен посторонними лицами, может быть задействован общий порядок, т. е. прямой иск юридического лица; закон в этом случае не предусматривает исключения и не наделяет участника экстраординарными правами.

Не менее важен в контексте настоящего исследования вопрос о наделении конечных бенефициаров правом на предъявление косвенного иска. С. В. Моисеев, например, считает, что в случае признания за участниками юридического лица самостоятельного интереса в возмещении убытков последнему «необходимо быть последовательными» и признать наличие такого интереса и у других лиц, находящихся на том или ином уровне корпоративной структуры, к примеру у «конечных бенефициаров». Однако не совсем ясно, в чем автор видит ту самую «последовательность», ведь отождествлять фигуры конечного бенефициарного владельца и участника корпорации не вполне корректно. Такие бенефициары, как правило, сознательно «юридически» остаются в тени, избегая ответственности, и осуществляют управление через номинальных лиц, при этом несут риск того, что в случае необходимости не смогут воспользоваться теми способами защиты, которые предусмотрены для участников юридического лица. Иное привело бы к нестабильности гражданского оборота, массовому созданию объемных корпоративных структур и злоупотреблению правом.

Кроме того, говоря о конечных бенефициарах юридического лица и об их правах, нужно иметь в виду, что правовой статус таких лиц до сих пор до конца не определен и их юридическая связь с компанией номинально отсутствует. Коль скоро это так, то о реализации и защите каких прав путем возмещения убытков юридическому лицу мы можем говорить применительно к такому субъекту? В доктрине встречается позиция о том, что в исключительных случаях, когда интерес бенефициара существенен, необходимо предоставлять ему возможность защиты. Здесь следует оговориться, что у бенефициара, безусловно, есть интерес в возмещении убытков юридическому лицу, но этот интерес фактический (экономический), тогда как для возможности защиты права в судебном порядке необходим интерес юридический¹, а если законодателем он таковым не признан, то и значения не имеет².

Анализ судебной практики подтверждает наши выводы. В одном из дел, где бенефициарами – владельцами материнской компании было заявлено требование об

¹ Лукасян Р. Э. Указ. соч. С. 40.

² Нарушение экономических интересов конечных бенефициаров юридического лица (при отсутствии корпоративного договора между ними и участниками) законодательством не отнесено к основаниям для признания недействительным решения общего собрания участников юридического лица. См.: Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 7 декабря 2017 г. по делу № А32-31503/2017.

оспаривании сделок дочерней компании, Верховный Суд РФ отметил: «Контроль в корпорации (обществе) осуществляется его участниками, владеющими надлежащим количеством долей. Основой такого контроля являются права, связанные с собственностью на доли, в частности, право избирать уполномоченные органы управления и осуществлять властно-распорядительные полномочия в отношении подконтрольного хозяйствующего субъекта. В настоящем случае ни одним из названных условий, предоставляющих возможность и право осуществления полномочий по корпоративному контролю, а соответственно правом заявлять соответствующие требования, компании... не обладают»¹.

В другом знаменитом деле истец – бенефициар, владеющий через цепочку юридических лиц 25 % долей в уставном капитале общества, предъявил косвенный иск о возмещении убытков в пользу общества к органам управления юридического лица². Истец настаивал на том, что нормы, позволяющие участнику общества обращаться в суд с такими исками, должны применяться к нему по аналогии, поскольку в силу опосредованного владения он имеет интерес в возмещении убытков обществу. Судами первой, апелляционной, кассационной инстанции в удовлетворении требований было отказано в связи с тем, что закон наделяет полномочиями на обращение в суд с такими исками ограниченный перечень лиц, среди которых бенефициар не значится. В передаче кассационной жалобы на рассмотрение в заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ также было отказано.

Многие практики посчитали данное решение сугубо формальным, хотя представляется, что это не так. Суды, проанализировав нормы материального и процессуального права, проследили логику законодателя и не увидели в данном случае пробела в правовом регулировании и возможности применения норм по аналогии. Среди аргументов, которые предлагали суды в обоснование своей позиции, хочется выделить два, на наш взгляд, самых важных.

Во-первых, расширительное толкование процессуального закона может привести к нарушению воли законодателя, установившего право на предъявление исков участниками общества от его имени в определенных случаях. Это создаст неопределенность в вопросах о том, какие лица, по каким основаниям и в каких случаях вправе обращаться от имени обществ, что, в свою очередь, может привести к несогласованности действий участников компаний и их исполнительных органов и к нарушению организационного единства юридического лица³.

Во-вторых, участник корпорации, предъявляя требование о возмещении обществу убытков, причиненных органами управления юридического лица, преследует опосредованный (косвенный) интерес. Интерес такого участника обосновывается наличием у него как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ущерба ему как субъекту гражданско-правовых отношений. Связывание права на использование подобного способа защиты – взыскания убытков с руководителем – только с наличием интереса, но без учета статуса субъекта указанных правоотношений и объекта защиты интереса участника корпорации не основано на нормах права⁴. Подобного косвенного интереса у бенефициаров нет. То есть *интерес таких бенефициаров не обладает свойством правовой определенности, в отличие от косвенного интереса участников, и вследствие этого не опосредствован в субъективном праве такого лица как форме защиты интереса, а значит, не может быть защищен судом.*

Такие выводы представляются вполне обоснованными, ведь чем отдаленнее в корпоративной структуре находится лицо, тем сложнее оценить его интерес. Для судебной защиты права (повторим) необходим юридический интерес, т. е. интерес, признанный законом. Причины, по которым законодатель не может признать такое

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 апреля 2017 г. по делу № 309-ЭС14-923.

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 декабря 2018 г. № Ф02-6281/2018 по делу № А74-3619/2018.

³ Там же.

⁴ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2018 г. по делу № А74-3619/2018.

свойство за интересами конечных бенефициаров, были обозначены судом. Таким образом, на уровне законодательства и судебной практики сформирована позиция о недопустимости предъявления многоуровневых (двойных, тройных) косвенных исков; правомочиями на их предъявление обладают только прямые участники юридического лица.

Чтобы разрешить противоречие, возникшее в доктрине, необходимо обратить внимание на природу корпоративных отношений, возникающих при предъявлении косвенного иска.

Любопытную позицию относительно соотношения интересов юридического лица и его участника занимает Д. И. Степанов. Он исходит из того, что: а) непосредственно у юридического лица фактически собственного интереса, не зависящего от интересов его участников, нет; б) при этом интересы участников юридического лица не поддаются корректному суммированию и приведению к общему, усредненному интересу. В таком случае, делает вывод ученый, остается лишь выявить то лицо, чей интерес получает в силу указания закона возможность приоритетной защиты по сравнению с интересами других лиц. Причем в каждом конкретном институте корпоративного права и возникающих спорных правоотношениях закон может наделять интерес разных субъектов (допустим, мажоритарного или миноритарного участника) свойством приоритета. Исходя из изложенного, автор предлагает использовать некий инструмент, условный тест, который позволял бы в каждом случае выявлять, чей интерес защищается тем или иным средством защиты¹. Защищается ли интерес корпорации другими средствами защиты, помимо косвенного иска? Да, а значит, в институте косвенного иска приоритет защиты смещен в пользу другого интереса. Д. И. Степанов приходит к следующему выводу: «... интерес юридического лица – для целей конкретного института – отождествляется с интересом иного участника отношений, который защищает свои интересы средствами, проистекающими из анализируемого института. Фактом введения института правопорядок сигнализирует, что он дает специальную защиту определенной группе, точнее, вводит диктаторство против цикличности интересов, приоритетно защищая одних в ущерб другим, самим фактом введения института смещается баланс от одной группы участников корпоративных отношений к другой»².

Судебная практика свидетельствует о том, что суды отмечают относительность причинения ущерба интересам юридического лица путем причинения ему убытков.

Во-первых, суды допускают возможность вывода о причинении убытков юридическому лицу при доказанности причинения убытков конкретным его участникам определенным действием или бездействием контролирующих лиц. Как указывает Верховный Суд РФ, «...составной частью интереса общества являются в том числе интересы участников. В связи с этим ущерб интересу общества также имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки»³. Такой вывод логически следует из утверждения «Нарушение интереса участника есть нарушение интереса общества» и свидетельствует о том, что между интересами участников и интересом юридического лица нет подчиненности, эти интересы взаимообусловлены.

Во-вторых, даже в отсутствие непосредственного причинения убытков юридическому лицу причинение убытков или нарушение в результате действий контролирующих лиц интересов меньшинства акционеров (пусть и в интересах их большинства) квалифицируется судами как действия против интересов юридического лица и причинение ему убытков. Так, Верховный Суд РФ делает вывод: «Несмотря на то что корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для

¹ Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 57.

² Там же. С. 59.

³ Пункт 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.).

ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением общей цели и связывается создание участниками самой корпорации. Таким образом, в ситуации причинения корпорации вреда предполагается, что одновременно именно ее участники понесли убытки. Соответственно, в опровержение факта причинения вреда корпорации может быть выдвинут довод о том, что в результате вменяемых действий сами участники не пострадали»¹.

Итак, материалы судебной практики говорят о том, что интерес участника корпорации не вытекает из интереса юридического лица, не подчинен ему; более того, они могут не совпадать вовсе, если, например, при оспаривании сделки общество и его контрагент вместе противостоят участнику, обратившемуся с косвенным иском². Однако почему же тогда иск именуется «косвенным» и формально мы говорим о защите интереса именно юридического лица?

Представляется, что это следствие общепринятого в праве определения природы юридического лица с точки зрения теории фикции и существования так называемой корпоративной вуали, т. е. предполагаемого наличия незримой «личности корпорации». Поэтому мы вынуждены считаться с интересом юридического лица, но его содержание, как мы убедились, до сих пор неоднозначно. Одновременно такое понимание не должно мешать правильному восприятию производства по косвенному иску. Кроме того, существование «корпоративной вуали» имеет большое значение именно во внешних корпоративных спорах и позволяет учредителям, директорам и участникам юридического лица не отвечать по долгам организации. В случае же предъявления косвенного иска речь идет о внутреннем корпоративном споре, о кризисе внутри корпорации, о противоправных действиях контролирующих лиц по отношению к другим участникам, что подразумевает нарушение интересов корпорации. Мы как бы спускаемся на другой уровень, где «личность корпорации» не имеет определяющего значения, поскольку, действуя от имени корпорации, директора наносят ущерб другим участникам и самой корпорации.

Мы не можем согласиться с С. В. Моисеевым, который, говоря о квалификации иска как косвенного на основании критерия личности причинителя вреда, отмечает, что этого критерия недостаточно для обоснования необходимости выделения отдельного вида иска³. Но ведь очевидно, что именно личность причинителя вреда обуславливает необходимость в механизме косвенного иска. Механизм прямого иска юридического лица в случае причинения ему убытков действиями членов органов управления этого юридического лица, действующими от его же имени, как уже отмечалось, является порочным, поскольку предполагает совпадение личностей причинителей вреда и инициаторов иска. Фанатичное следование теории фикции при изучении косвенного иска окончательно заводит в тупик, потому что, исходя из этой теории, все действия членов органов управления юридического лица совершаются от имени самого юридического лица, а значит, юридическое лицо причиняет вред самому себе. Что, конечно, не так.

Возникающая в связи с теорией фикции личность юридического лица не абсолютна, это допущение, как представляется, предназначено для решения конкретных проблем, возникающих в связи с деятельностью корпорации. Сама по себе возможность привлечения к ответственности отдельных руководителей юридического лица является исключением из теории фикции. Таким исключением выступает и институт косвенного иска, коль скоро ответственность за действия, совершаемые от имени юридического лица, но вразрез с его интересами, в этом случае возлагается на кон-

¹ Пункт 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.).

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 июня 2016 г. № Ф02-1986/2016 по делу № А33-14535/2015; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 февраля 2018 г. № Ф07-15787/2017 по делу № А56-69628/2015; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июня 2019 г. № Ф09-2543/19 по делу № А50-30570/2017.

³ Моисеев С. В. Указ. соч. С. 66.

кретное контролирующее лицо. Здесь можно проводить параллели с таким феноменом, как «прокалывание корпоративной вуали», имеющим место при привлечении контролирующих должника-корпорацию лиц к субсидиарной ответственности в банкротном процессе. Но этот инструмент не вполне соответствует природе внутрикорпоративного конфликта, лежащего в основе предъявления косвенного иска, поскольку конструкция юридического лица предполагает ограничение ответственности его учредителей и участников именно перед кредиторами¹. Повторим, что при предъявлении косвенного иска речь идет о конфликте, происходящем под покровами этой самой «корпоративной вуали».

Итак, на первый взгляд может показаться, что правовая природа косвенного иска и существование самостоятельного интереса у участника корпорации вызывают сомнения. Однако более глубокое исследование этого института и «вскрытие» корпоративных правоотношений позволяют делать вывод о защите косвенным иском, в том числе, непосредственно интереса участника корпорации, обращающегося с косвенным иском. Защищаемый объективный интерес участника корпорации выражается в наличии субъективной заинтересованности в процессе. Ранее нами было обосновано наличие у него процессуальной заинтересованности²; теперь же на основе приведенных выше рассуждений можно говорить и о наличии субъективной материальной заинтересованности. Это, в свою очередь, позволяет дать ответ на многие упомянутые вначале работы вопросы, в том числе о процессуальном положении участника корпорации.

Список литературы

Лукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Вкут. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. 190 с.

Гусейнов Н. Ш. Косвенный иск в российском арбитражном процессе // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 56–63.

Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.

Казиханова С. С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 42–57.

Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 58–71.

Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

Стрельцова Е. Г. О положении в исполнительном производстве лица, действующего в чужом интересе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 83–96.

Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

Чичакян Р. А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. С. 7–49.

References

Chichakyan R. A. (2018) Kosvennyye iski: sravnitel'no-pravovoi analiz Frantsii, Italii i Rossii [Derivative actions in France, Italy and the Russian Federation: a comparative analysis]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 18, no. 5, pp. 7–49.

Gukasyan R. E. (1970) *Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [The problem of interest in Soviet civil procedural law], ed. by M. A. Vikut. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 190 p.

Guseinov N. Sh. (2021) Kosvennyi isk v rossiiskom arbitrazhnom protsesse [An indirect claim in the Russian arbitration procedure]. In *Rossiiskoe pravo onlain*, no. 4, pp. 56–63.

Ionova D. Yu. (2018) Kosvennyye iski kak sposob zashchity interesov uchastnikov kommercheskikh korporatsii [Collateral actions as a means of protection of interests of business corporation members]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 7, pp. 17–22.

Kazikhanova S. S. (2021) Problema vernogo opredeleniya protsessual'nogo polozheniya korporatsii i ee uchastnikov, ikh protsessual'nykh prav i obyazannostei po kosvennym iskam [The problem of

¹ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 10–12.

² Гусейнов Н. Ш. Косвенный иск в российском арбитражном процессе // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 61.

correctly determining the procedural status of the corporation and its participants, their procedural rights and obligations in indirect claims]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 9, pp. 42–57.

Moiseev S. V. (2021) Kosvennyi isk... kak mnogo v etom zvuke... [Indirect claim... How much is there in this sound...]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 9, pp. 58–71.

Stepanov D. I. (2015) Interesy yuridicheskogo litsa i ego uchastnikov [Interests of corporation and its shareholders]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 1, pp. 29–83.

Strel'tsova E. G. (2013) O polozhenii v ispolnitel'nom proizvodstve litsa, deistvuyushchego v chuzhom interese [About situation in executive production of the person acting in others interest]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 6, pp. 83–96.

Sukhanov E. A. (2014) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative corporate law]. Moscow, Statut, 456 p.